

XVI. Революция во Франции.

(Liberté. 1869. № 109)

Простодушные люди обыкновенно говорят: мы сделаем то-то и то-то, когда революция вспыхнет в Париже; до тех же пор нужно ждать, потому что Бельгия недостаточно сильна, чтобы начать что-нибудь собственными силами.

Поднимайтесь же господа, революция, которую вы ждали, наступила и как спокойная волна поднимается всё выше и выше; Париж, Франция уже сошли с того места, где вы их видели какой-нибудь месяц тому назад; уровень изменился; чтобы измерить перемену, нужно смотреть не вверх, не на ту идеальную точку, на которую вы помещаете будущий, новый мир; вспомните лучше, как казалось, прочное положение французского общества и государства до выборов, и сколько, потом, было употреблено усилий, чтобы не сорваться с якоря. Взгляните на пройденное пространство, на неуверенность в движении на горизонте, застилаемом тучами; посмотрите на возрастающую опасность, на распространяющийся ввиду её ужас, помрачающий умы, в то время как самое положение дел требует твёрдой решимости; взгляните на всё это, и вам вспомнится корабль, который отдал себя на произвол судьбы и которого невидимая сила влечёт к гибели.

Эта невидимая сила, которая уже господствует и даёт себя чувствовать, есть революция. Её присутствие узнаётся по несомненным признакам: органы политической и социальной жизни парализованы; события ускользают из под власти людей, обращаются против них же самих и следуют друг за другом в совершенно другом порядке, чем предполагали; общественное мнение, уже не следует указаниям и приказаниям тех, кому оно вручило власть; напротив, оно забирает власть в свои руки и прерывает всякое сношение с этими людьми; и что особенно знаменательно, эти последние, явившиеся на свете по его же вине уже потеряли всякую силу. В каких-нибудь три недели «непримиримые» оказались ненужными и отброшены в сторону, как паразитные растения. Когда народ ни в правительстве, ни в прессе, ни в прямых своих представителях не находит истинного выражения своих желаний, он, хотя и не говорит ничего, но настолько даёт понять себя, что всё, чтобы ни делалось во имя его и чем бы не думали его удовлетворить, теряет всякое значение; когда никто не осмеливается стать над ним, и никто не в состоянии попасть в его колею, тогда, и в этом нет никакого сомнения, он сам возьмётся за своё дело; необходимость и инстинкт принудят его и никакие человеческие расчеты не помешают исполниться его судьбе.

До выборов, император Наполеон, следуя коварной политике, позволил публичные сходы, чтобы вызвать наружу страсти, скрытые в «простом народе». Буржуа, думал он, в руках которых находятся журналы, испугаются и поднимут крик; необходимость могущественной власти будет таким образом доказана; пресса, которая произвела выборы 1863 года, теперь испугается социализма, откажется от парламентских кандидатов и таким образом империя восторжествует при помощи соединённых сил реакции.

Расчёт был настолько верен, что в обыкновенное время успех был бы несомненен; да и теперь до дня выборов всё, казалось, шло как следует. Журналы, правда, не отказались от своих кандидатов, но зато тревога против социализма была всеобщая. В результате должна была выйти палата, состоявшая из чистых империалистов и из умеренной оппозиции, соединённых любовью к общественному порядку.

Но события уничтожили все эти ожидания; не только империя, но и пресса, и старые умеренно-либеральные партии побиты. Сельское население верно католицизму; в городах сходы, которые должны были служить пугалом, торжествуют. Чистейшая реакция или Социальная Революция, – вот какое значение получил этот день.

На следующий день император переменял тактику. До сих пор он думал, что война будет между империей и парламентаристами; против них и были выстроены батареи, теперь же он сам испугался этой социальной силы, им же самим вызванной, чтобы очистить место от старых врагов и вот он протягивает им руки и вступает с ними в заговор против неё. По его приказанию значительная часть его сторонников в новой палате, по-видимому, отделяется от него и требует конституционных реформ; расчёт опять сделан верно: левая, под предводительством Тьера и Фавра, должна будет оказать нравственную поддержку новым реформистам; она, без сомнения, отделится от радикалов и тем обессилит их, а там мир, заключённый между империей и парламентаристами, откроет новую и обширную политическую арену, в которой спокойные споры займут большинство народных представителей.

Третья партия не только будет делать своё дело не смущаемая ни право, ни левой, но даже непримиримые будут благосклонно относиться к этим эволюциям; не нужно будет никаких жертв; оппозиция исчезнет, как только заговорят о парламентских гарантиях, пресса будет аплодировать, не будет слышно ни одного протеста! ... Что же, согласна Франция, довольна она?

Но Франция молчит; такого молчания достаточно, чтобы столько ловко составленные планы рушились. Этот народ, восставший когда-то за парламентскую свободу, шумно собиравшийся, когда министерство существовало один лишний день, этот народ спокойно присутствует при возобновлении июльских порядков и даже с места не трогается при падении человека, олицетворяющего в себе, после императора, всю императорскую политику. Во всей Франции не собралось даже и двадцати человек, чтобы поаплодировать; народ видит радость своих представителей, ликование прессы и молчит! ...

Вскоре сцена снова меняется; прогнанный человек возвращается и делается президентом сената; палату, которой были так довольны, не говоря ни слова, грубо прогоняют в свою

очередь, без всяких объяснений; даже самые полномочия её не берут в расчёт!

И этот народ, который всего только месяц тому назад выбрал её, опять-таки не трогается с места; во Франции не собралось и пятидесяти человек, чтобы освистать новый порядок. Пресса гремит – её оставляют в покое; депутаты собрались для протеста – над ними смеются; смеются над непримиримыми, смеются над левой, над правой.

Между тем стачки делаются всё обширнее; но молчание делается всё глубже и глубже; народ, не желающий терять слова, стоит лицом к лицу с правительством, которое не знает что сказать. Вот она, революция! Везде слышится её рука, она повсюду окружает этих людей, которым кажется ещё, что они царствуют и в то же время уже чувствуют, что пришёл конец их царствованию. Это уже не политическая революция, которая делалась театрально с криком и громом оружия. Это революция социальная, невидимо разрушающая все связи, тесно связывавшие древнее общество; революция, которая не разрушает старину, но удаляется от неё. Что за беда, что император и его правительство присутствуют при этом громадном преобразовании, которое без устали идёт вокруг них, под ними, повсеместно?

Бельгийцы, друзья, вы, которые ждёте французской революции, чтобы начать действовать у себя, убедитесь, что революция эта в полном разгаре и подумайте о себе. Мы теперь увидим, как одна за другой, с глухим шумом, будут разрушаться все подпоры французского общественного строя; а между тем, ещё долго будут говорить: постройка ещё непрочна; но она уже подрыта, она разрушится сама собой, и вершина повалится в прах.

Вы поймёте тогда, куда шёл великий народ, когда выдумали, что он занят постройкой пустой говорильни, похожей на то, которой вы вот уже 10 лет гордитесь. Если бы вы, нерешительные онемечившиеся бельгийцы, могли не остолбенеть опять, как в 1848 году, когда Париж даст свету Социальную Революцию; если бы вы могли отбросить недоверие и немецкую щепетильность и не дать укрепиться реакции, уже не говоря о том, чтобы не осыпать Францию насмешками за то, что она пала жертвой интриг, в которых есть и ваша доля участия.

Время ли теперь, чтобы медлить, даже пробуждать старые антифранцузские страсти, как делает это наша пресса, за то, что из-под пера парижских публицистов вылетело несколько глупостей. Оставим в покое всю эту журналистику. Мы уже показали, что она ни причём в движении французского народа; но обратим внимание на народ, потому что он готовится великие события. Ещё раз Франция даст нам луч света; не будем же слепо отталкивать её, хотя она ещё и не дала его.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 22 июня 2025 02:08:33

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 22 июня 2025 02:17:35